

ИВАН ПУЗЫРЕВ

Временная присяга и коллективное подданство мусульман на пограничье Российской империи в XVIII в.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-189-210>

Ivan Puzyrev

Temporary Oath and Collective Subjecthood of Muslims on the Borderlands of the Russian Empire in the 18th Century.

Ivan Puzyrev — HSE University in Saint-Petersburg (Russia).
puzyrev.ivan@yandex.ru

The article discusses the features of the transition and registration of Russian subjecthood of Muslims of Siberia and Dagestan. The preserved texts of the Russian oath of allegiance and the Turkic texts of oaths are analyzed. The author concludes that up to the second third of the 18th century the Russian subjecthood of Muslims on the Siberian and Caucasian frontiers of the empire could be temporary, periodically renewed through new oaths or canceled, and did not exclude the oath to the second and sometimes to the third power. Legally such subjecthood and the oaths were hybrid.

Keywords: oath, subjecthood, Western Siberia, Dagestan, Muslims, border lines, Bukharans, Kumyks.

Введение

РАСШИРЕНИЕ Российского государства в XVI–XVIII вв., включение в его состав иных государств, народов и территориальных образований — это один из основополагающих процессов раннего имперского периода. Особое место в этом процессе занимает оформление подданства русскому монарху. Под подданством понимается установление принадлежности к государству, влекущее за собой появление публично-правовых отношений между индивидом и государством¹. Важным аспектом

1. Гессен В.М. Подданство. Его установление и прекращение. Т. 1. СПб. 1909. С. 3–5.

колонизации новых территорий стало постепенное включение со второй половины XVI в. в состав владений московских правителей Поволжья, Западной Сибири и Приуралья, где весомую долю населения составляли мусульмане. В течение XVI–XVIII вв. одни владения входили в состав Российского государства реально, другие номинально, причем степень реальности/номинальности зачастую по-разному понималась сторонами². В указанный период неправославные подданные русского царя обозначались социо-политонимом *иноземцы*. Немаловажно и то, что в раннее новое время в России отсутствует универсальная модель подданства. В различных регионах царили разные представления о подданстве и роли верховной власти³. Сам процесс политико-правового включения «иноземцев» в российский социум еще не был завершен. Эта незавершенность хорошо демонстрируется тем, что термин «иноземцы» не получил в русском законодательстве XVII в. сколько-нибудь внятного правового определения⁴.

В последнее десятилетие появился ряд работ, посвященных присяге при принятии подданства или гражданства, однако специалисты, как правило, либо выделяли признаки и давали определение института присяги⁵, либо обращались к анализу исторического опыта принесения присяги⁶.

В историографии присутствуют разные подходы к пониманию природы подданства и параметров принадлежности к государю/государству. Так, В. В. Трепавлов касательно изучаемой эпохи XVI–XVIII вв. предложил такие признаки принадлежности, как: (1) включенность территории (народа) в высшую государственную символику — большой царский титул или большой государ-

2. *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. С. 158.
3. Там же. С. 199.
4. *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 424.
5. *Русакова Н. Г.* Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
6. *Конев А. Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177; *Круглякова В. Б.* Институт присяги: прошлое и настоящее // Административное право и процесс. 2008. № 3. С. 15–18; *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

ственный герб; (2) налогообложение в пользу единого государства; (3) распространение на данный регион (народ) действия общероссийского законодательства и подведомственность внутривластным инстанциям; (4) принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства⁷. Однако подобная классификация, совершенно справедливая по отношению к жителям присоединенных к Московскому государству татарских ханств, не позволяет определить характер правового статуса тех иноземцев, которых можно отнести к мобильным группам (например бухарцев — выходцев из государств Средней Азии).

Представляется возможным обратиться не только к русскоязычным, но и тюркоязычным источникам, выражающим подданство, что позволит ответить на вопрос о том, какие различия присутствовали в политическом языке, описывающем подданство мусульман на российском пограничье в ранний имперский период. Это имеет значение в дискуссии о взаимовлиянии политической лексики, выражающей подданство российскому монарху.

М. Ходарковский подчеркивает, что как в период Московского царства, так и в Российской империи взгляд сторон на заключаемые соглашения-шерты принципиально различался. Если «иноверцы» видели в них прежде всего соглашение о военном союзе и ненападении или же мирный договор под привычным, патриархальным, малообязывающим патронажем, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения⁸.

В рамках данной статьи будут рассмотрены языки, выражавшие подданство в договорах и присягах российской власти со стороны мусульман на восточном и южном фронтире⁹ империи в XVIII в. Будут проанализированы такие источники, как русскоязычные и тюркоязычные тексты шертей и договоров-присяг. Выбор названных регионов для сравнения обусловлен тем, что к XVIII в. в данных регионах мы видим выработку механизмов договорных отношений с мусульманами, вступающими в российское подданство. Сравнение регионов и правовых форм приня-

7. *Трепавлов В. В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России XVI–XX вв. // *Россия в XX в. Проблемы национальных отношений.* Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. А. Михайлов. М., 1999. С. 116–117.

8. Khodarkovsky, M. (2002) *Russia's Steppe Frontier. The Making of the Colonial Empire, 1500–1800*, p. 51–56, 59, 184.

9. В данной статье я использую широкое понятие «фронтир» в значении контактной зоны нескольких культур.

тия подданства в Сибири и на Северном Кавказе в XVIII в. еще не предпринималось в исследовательской литературе. Данная статья не претендует на закрытие указанной лакуны в полной мере, однако может стать шагом к пониманию того, как языки и практики оформления подданства переходили с одной окраины империи на другую. Изучение механизмов подданства мусульман в Российской империи выводит исследователей в более широкий контекст понимания домодерного подданства.

Оформление подданства мусульман в империи

Одним из основных способов утверждения власти Московского царства над новыми подданными-мусульманами было приведение к шерти (от араб. شرط — договор). Понятие шерть появилось в русском лексиконе еще в XV в. и первоначально использовалось для обозначения соглашений московского государя с правителями постордынских государств. Исторически шерть поначалу являлась международно-правовым соглашением: восточные государи, от Крымского ханства до монгольских государств, клялись в мире и дружбе русским царям¹⁰. Но уже со второй половины XVI в. шерть начала обозначать форму присяги на верность русскому монарху¹¹. Разновидностью шерти в рассматриваемый период XVII–XVIII вв. была также судебно-процессуальная шерть, но ее рассмотрение не входит в задачи данной статьи.

Присяга на подданство в более привычном сегодня понимании впервые была проведена в России в 1598 г., после избрания на царство Бориса Годунова¹². С этого времени присяга стала рассматриваться не как личная верность правителю, занимавшему трон в настоящее время, а монарху как институту, воплощавшему собой государство. Поэтому присяга осуществлялась на основе специально разработанной крестоцеловальной записи с формулировкой обязательств подданных, которые отсутствовали в клятвенных записях, в частности Ивана IV. С целью легитимации своей власти новый царь решил провести обряд присяги на вер-

10. Serruys, H. (1958) "A Note on Arrows and Oaths among Mongols", *Journal of the American Oriental Society* 78: 279–294.

11. Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 162.

12. Почекаев Р. Ю., Тарасов Н. В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 3. С. 597.

ность со стороны населения, причем высшая знать присягнула ему уже сразу после избрания, в марте — апреле 1598 г., тогда как большинство населения, в том числе и в регионах, присягнуло до середины сентября — на основе указных грамот, разосланных воеводам¹³. Отметим также, что с восхождением на престол Бориса Федоровича Годунова практика закрепляется. Причем на окраинах растущей империи, как, например, в Сибири появляется текст шерти Годуновым «по мусульманскому закону», в котором прописывается условие верности всему семейству Годуновых, что представляется частью начала процесса трансформации шерти-присяги¹⁴.

Наиболее ранние образцы шертей-присяг сибирских мусульман также датируются рубежом XVI и XVII вв. В основе них, по мнению А. Ю. Конева, лежали крестоцеловальные записи православных подданных московскому царю¹⁵. Применительно к Сибири можно предложить такую классификацию документов, устанавливающих договорные отношения монарха с подданными: (1) шерть при вступлении в подданство; (2) шерти, обновлявшие подданство; (3) «жалованное слово» как статьи в наказах-инструкциях сибирским воеводам; (4) присяги на верность. По наблюдению исследователей, в Сибири одной из форм подтверждения шерти стала особая статья в воеводских наказах, то есть инструкциях воеводам — это так называемое «жалованное слово», в котором закрепляются обязательства русской власти перед индигенным населением¹⁶. По мнению Е. В. Вершинина, данная «клаузула... вошла в сибирские наказы с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове»¹⁷. В то же время А. Ю. Конев и В. А. Слугина отмечают, что «жалованное слово» эпизодически встречалось в наказах и грамотах казанским и сибирским воеводам до 1599 г., но толь-

13. Королева М. В. Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4(82). С. 73–82.
14. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19. Л. 21 об.–22. Шерть Годуновым 1605 г.
15. Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. № 6. С. 172–177.
16. Слугина В. А., Конев А. Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд.-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. С. 184.
17. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998.

ко с этого момента оно систематически включается в указы воеводам на занятие ими должности в сибирских городах и острогах в виде пространного формализованного текста¹⁸. По мнению А. В. Белякова, источниками жалованного слова стали жалованные грамоты за золотой печатью и укрепленные грамоты. Тем самым в этом обряде объединяются известная с ордынских времен практика подтверждения прав на земельную собственность от имени монарха и заключение своеобразного коллективного договора с русским царем¹⁹.

На позднее сложившемся кавказском фронтире до последней четверти XVIII в. режимы подданства вписывались в систему отношений, удачно определенную американским историком Шоном Поллоком как «империя по приглашению»²⁰. Здесь многочисленные мелкие «владения», присоединенные к России в XVIII — первой половине XIX в., на первых порах сохраняли свои границы и местных правителей, если те были лояльны империи. Российская сторона не вмешивалась во внутренние дела горцев, оставляя управление ими в руках местной военной знати и сельских старшин. Оформление коллективной присяги на верность и временного подданства империи здесь следовало сибирским образцам шерги.

Применительно к Северному Кавказу стоит сказать, что практика заключения шерги входит в оборот со второй половины XVI в. Шертные записи, на которых приносились присяги в русском подданстве, включали в XVII в. формулы «холопства навеки» и неотступления ни к какому иному государю; грамоты к тем или иным владельцам оформлялись как «к подданным», однако фактически взаимоотношения между теми или иными владельцами и их землями с русским государством, оформленные присягами на таких шертных записях, не были одинаковыми. В одних случаях связи были более прочными, в других они обрывались, в третьих иногда возникали своеобразные отношения «обще-

18. Конев А. Ю., Слугина В. А. «Сказать государеву жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI–XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 42.

19. Беляков А. В. Источники жалованного слова народам Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 22(1). С. 33–43.

20. Pollock, S. (2006) *Empire by Invitation? Russian Empire-building in the Caucasus in the Reign of Catherine II*. Cambridge: Harvard University Press.

го холопства» русскому царю и персидскому шаху²¹. Этот случай имеет прямые аналогии в южной части Западной Сибири, где уже с середины XVII в. народы в предгорьях Алтая оказались в ситуации двоеданства — как по отношению к русскому царю, так и по отношению к государству Алтын-ханов, а затем и джунгарским правителям²².

Согласно общим нормам договоров и делопроизводства на мусульманском Востоке, для мусульманских владетелей и их подданных, перешедших под власть Российской империи, была учреждена присяга на Коране. Вместе с тем режим подданства на Кавказе испытал влияние местной мусульманской правовой традиции, основанной на правовом обычае (от араб. 'адат). Переход в подданство союзов сельских общин горцев (от нахско-дагестанских понятий бо, хуребо и др. через араб. джайш, нахийя) и мусульманских владений (ханств), как отдельных семей переселенцев, так и целых селений и даже объединений последних, происходил в форме договора-соглашения (араб. иттифак) с принимающей стороной, под охрану законов которой поступали новые подданные. В последней трети XVIII в. на основе иттифак и российской шерти появляется форма своего рода федеративных союзов разнородных владельцев и союзов общин под верховной властью российской императрицы, которую представлял обычно один из военных комендантов крепостей на Кавказской линии. Тем самым основными формами документов, устанавливавших переход в российское подданство, в регионе были: (1) коллективные соглашения-иттифак о приеме в подданство; (2) возобновлявшие подданство присяги на верность на основе шерти; (3) отдельные федеративные договоры вроде Георгиевского (1783)²³. В XVIII в. и позднее установление российского подданства по отношению к императрице или императору означало сохранение новыми подданными не только своего вероисповедания, но и системы права (шари'ата и правового обычая-'адата для мусульман), судопроизводства и власти в лице ханов и сельских старшин.

21. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII вв. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. С. 326.

22. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002.

23. Бобровников В. О., Каяев И. А., Халиков Г. К. Бадерхан Ф. На путях к федеративным Георгиевским договорам 1783 и 1802 гг. С. 175–208. Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сб. документов / Отв. ред. А. Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014.

Основными акторами имперского подданства являлись императрица или император как высшая власть в стране через представлявших их воевод и комендантов крепостей. С другой стороны, в договоры и присяги на верность были вовлечены местные мусульманские элиты, кумыкские беки Чечни, ханы и старшины союзов общин Горного Дагестана. В 1720-е гг. с просьбой о принятии в подданство к России обращались аксаевские, костековские владетели, кайтагский уцмий²⁴.

В Западной Сибири к началу XVIII в. наблюдается иная ситуация, поскольку независимых государств, владельцев, способных претендовать на установление сюзеренитета над сибирскими мусульманами, уже не существовало. Кучумовичи — «царевичи Сибирские», многочисленные дети, внуки, племянники хана Кучума (ум. в 1601), по происхождению Чингизиды и Шейбаниды, которые на протяжении первой половины XVII в. кочевали («козаковали») в обширном регионе лесостепного пограничья от верховий Иртыша до Оби — к этому времени уже оставили попытки восстановить Сибирский юрт²⁵. Это обусловило более скорую в сравнении с Кавказом интеграцию в империю как сибирских татар-тюрок юго-западной части Сибири, так и сибирских бухарцев — выходцев из государств Средней Азии в Сибири.

Одним из первых документов этого времени стала шерть-присяга 1700 г. Исследователь А. Ю. Конев обратил внимание на ее публично-частный характер. Ранние шерти, как отмечают А. Ю. Конев и В. А. Слугина, имели обезличенный характер, оформляя отношения между носителем власти и покоренным российскому государству сообществом в лице его лидеров, участвовавших в процедуре приведения к шерти. Более поздние записи представляют собой уже договор между монархом и частным лицом (лицами), вступающим в подданство: «Я, имярек, даю шерть великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, по своей бусорманской вере»²⁶. В тексте этой шерти-присяги отсутствует ссылка на Коран как главный удостоверяющий клятву атрибут, что позволяет сделать вывод о том, что данный документ не использовался для приведения мусульман в подданство рус-

24. История Дагестана. Т. I. С. 339.

25. *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи в истории России. М., 2018.

26. Памятники Сибирской истории XVIII в. /под ред. А. И. Тимофеева. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: типография МВД, 1882. С. 24.

скому царю. Также следует допустить, что «бусорманская вера» в шертях-присягах начала XVIII в. означает уже не только ислам и приобретает расширенный смысл неправославных исповеданий.

Вопрос о подданстве сибирских мусульман в XVIII в. оказался связанным с внешней политикой России в отношении Джунгарского ханства. Об этом свидетельствует случай 1730-х гг. из Сибири. В 1731 г. майор Леонтий Угримов был отправлен в Джунгарское ханство в качестве посланника России. В ходе переговоров выяснилось, что джунгары предъявляют претензии на часть подданных-бухарцев, живущих в Сибири²⁷. Само происхождение бухарцев стало причиной того, что джунгары через посла Авазбая в 1740 г. потребовали от российских властей «выдачи ему под владение» тобольских бухарцев, указывая, что бухарцы — «их владения природные». В ответ на это бухарцы Басы Шихов и Мирачи Садыров подали 23 декабря 1740 г. челобитную в сибирскую губернскую канцелярию, в которой просили оставить их в российском подданстве²⁸.

Челобитная позволяет увидеть связь понимания подданства с уплатой податей и выполнением казенных служб: «и после отцов своих мы, рабы ваши, жительство имеем и по ныне в городе Тобольске и в деревнях и платим в казну Вашего Императорского Величества с купечества указные пошлины и полавочные деньги, тако ж и с Тобольскими бухарцы всякие подати служим при городе Тобольску службы безотлучно»²⁹. Апеллируя к российскому монарху, бухарцы обозначали свое происхождение не только из Средней Азии, но и из Поволжья: «Прадеды и деды наши и родственники услыша кол[ь]ко странным выходцам в велико Российскую державу свободное принятие и в высоко охранительную милость к пришлым чужестранным Вашего Императорского Величество землю в подданство и в довольное поселение и торгах, и в промыслах свободную волю, в своей бухаренской земле оставя отечество, сродников и дома свои <...>доброжелательно в подданство в сибирские города, а выходцев отцов и дедов, и мужеска пола всякого возраста 79 человек, да из Казани в Сибирские города их же бухарцев пришло 4 человека»³⁰.

27. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 15. Л. 11–11 об.

28. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 15.

29. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

30. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–1 об.

Императорский указ октября 1741 г. разъясняет причины, по которым Джунгарский хан предъявил претензии на сибирских бухарцев. С одной стороны, преследуя цель освобождения всех российских подданных, оказавшихся в плену в Джунгарском ханстве, российский посланник в Джунгарии Леонтий Угримов отказался выдать бухарцев, которые присутствуют в Сибири «в задержании». С другой стороны, выдача бухарцев была невыгодна самим сибирским властям, так как бухарцы были главными посредниками между Россией и государствами Средней Азии. К тому же сами бухарцы всячески подчеркивали добровольный характер своего переселения в Сибирь. Все это позволяло губернатору выполнять требования джунгар лишь частично и, в конечном счете, полностью отказаться от выдачи бухарцев — с санкции верховной власти.

Языки подданства на восточном фронтире империи

Принятие российского подданства подразумевало для новых мусульманских подданных империи прежде всего признание верховной власти московского царя, а позднее императора в Санкт-Петербурге через принятие шерти. Вместе с тем часть иноверных иноземных подданных обязана была выплачивать российским военным властям (воеводам, позднее также комендантам крепостей) дань-ясак и подати в самых различных формах. Новые подданные получали свободу передвижений в границах империи по проезжим и жалованным грамотам. Первые попытки универсализации присяги при принятии подданства иностранцами были предприняты в начале имперского периода. Петр I впервые на законодательном уровне зафиксировал присягу иностранцев, однако унификация коснулась западных окраин империи — она была разработана для шведских пленных, пожелавших остаться в России³¹.

В ранний имперский период в Сибири практика шертования постепенно становится реже употребляемой и в первой половине XVIII в. постепенно трансформируется в индивидуальные присяги на верность. В пользу этого говорит утверждение стандартизированного текста присяги на верность Российской империи, который был закреплен в законодательстве императрицы Елизаветы Петровны, где в сенатском указе 1747 г. наряду с рус-

31. Почекаев Р. Ю., Тарасов Н. В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 599.

скоязычным вариантом присяги имелся также и немецкоязычный текст³². Поворотным моментом в переходе к индивидуальной практике присяг стали законодательные акты Екатерины II 1762–1763 гг.: манифесты «О позволении иностранцам... выходить и селиться в России» и «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах».

Манифест «О даруемых иностранным переселенцам аванжах и привилегиях» (22 июля 1763 г.) в статье 5 гласил: «Как скоро кто из иностранных прибудет в Империю Нашу на поселение, и явится в учрежденной для них оных Канцелярии опекунства или в прочих наших пограничных городах, то во 1-ом, объявляя, как выше сего в 4 пункте предписано о желании своем, имеет потом всякий учинить по вере своей и обрядам, обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу». После издания этого манифеста практика индивидуальной присяги монарху становится массовой.

Одним из подтверждений того, что данная законодательная норма использовалась для приведения мусульман Сибири к присяге на верность, является рапорт коменданта г. Тары Баженова³³. В этом документе, отправленном в Тобольское наместническое правление, говорится о необходимости «в верности привести [бухарцев] по их закону и шерти» на основании указа от 12 июня 1763 г.

Примером такой новой практики может служить текст присяги ташкинца Султана Мухаммад Ходжимухамметьева 1789 г.³⁴ Русский текст этой присяги был впервые обнаружен ташкентским историком Х.З. Зияевым еще в 1960-е гг. и впервые опубликован целиком А.Ю. Коневым³⁵. Важно отметить, что к русскому тексту присяги 1789 г. прилагается текст на языке тюрки, который до сих пор не был исследован.

Тюркский текст озаглавлен عهد نامه و عهدہ سيدور ‘ахд-намэ вэ ‘ахдэ-седур. Можно сравнить его с русским текстом присяги³⁶. Факт

32. ПСЗРИ. Т. XII. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 9434. С. 748–749.

33. ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

34. ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

35. Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги «сибирских иноземцев» кон. XVI–XVII в. С. 172–177.

36. Хотел бы поблагодарить моего преподавателя старотатарского языка — Салавата Зямиловича Ахмадулина, который помог мне прочесть сложные места в тексте ‘ахд-намэ.

того, что ‘ахд-намэ сохранилось в государственном архиве, говорит о том, что его могли использовать повторно. В частности, в комплексе документов, в котором находится ‘ахд-намэ, говорится о присяге по крайней мере двух человек — Султана Мухаммад Ходжи Мухамметьева и Таирбая Магометдинова³⁷.

Что такое ‘ахд-намэ? Понятие ‘ахд-намэ образовано от арабского أحد — ‘ахд — обещание, обязательство, письменный договор³⁸. Известно, что, например, в Османской империи ‘ахд-намэ рассматривалось как договор (клятва), обещанный и подписанный между двумя правителями или главнокомандующими, а также как договорная грамота, выдававшаяся султанами иноземным правителям³⁹. На Северном Кавказе ‘ахд — это скрепление договора-иттифак клятвой на Коране в постановлениях конфедераций⁴⁰.

В этой связи крайне любопытно, что составители сибирского ‘ахд-намэ 1789 г. используют именно этот термин, а не шарт-намэ (шерт), который использовался до начала XVIII в. По рапорту коменданта г. Петропавловска Сверчкова Тобольскому наместническому правлению видно, что бухарцы присягали перед ним по данному ‘ахд-намэ в 1789 г.: «А как таковые вступившие в подданство иноверцы хотя при присутствии моем Ишимской округи земским исправником по их закону и шерти приводимы и были, но присяжным листы отбираемы тем исправником к себе»⁴¹.

Данные тобольские документы позволяют говорить о том, что существовал определенный формуляр прошений, составленных в пограничных крепостях для бухарцев, переходящих в российское подданство. В нем содержалось несколько элементов: (1) обращение на имя императрицы; (2) изложение обстоятельств — приехал я (имярек) из города такого-то в Россию для торгова и усмотрел дарованные Вашим Императорским Величеством пришедшим во Всероссийское подданство бухарцам и ташкинцам выгоды; (3) подтверждение намерений — принял твердое и непоколебимое решение быть в подданстве Вашего Императорского Величества.

37. ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

38. Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. С. 26.

39. Мамедов И. Расцвет и крах Османской империи. М.: АСТ, 2016. С. 290.

40. Бобровников В. О. Правовой словарь арабоязычных памятников дагестанского ‘адата XIV–XX вв. (некоторые итоги изучения исламских дискурсов) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 291–315.

41. ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

Присяга бухарцев могла быть повторной, в случае если бухарец — русско-подданный надолго покидал пределы Российской империи. Характерно, что присяга на подданство в имперской России, как и в Европе Нового времени, перестала носить взаимный характер: никаких обязательств со стороны государства, принимавшего лицо в подданство, в ней не содержалось. Исследователи обоснованно связывают эту тенденцию с развитием государственно-правового законодательства, в котором подробно регламентировался статус подданного, его права и обязанности, поэтому смысла дополнительно включать их в текст присяги власти не видели⁴².

С точки зрения проблемы подданства бухарцев ‘ахд-намэ интересно тем, что с оговоркой можно сказать, что оно указывает на представления о российском подданстве у самих мусульман. Необходимо сделать поправку на то, что ‘ахд-намэ 1789 г. было составлено, по-видимому, по приказанию российских чиновников г. Петропавловска. Из источников не вполне понятно, кто сделал перевод текста присяги с русского на тюрки. В то же время есть основания полагать, что ‘ахд-намэ 1789 г. написано бухарцами или татарами, находившимися на службе у российских властей. Из более ранних источников мы знаем, что в XVII–XVIII вв. мусульмане Тобольска, Тюмени, Тары и других городов неоднократно привлекались воеводскими и губернскими канцеляриями в качестве толмачей и переводчиков. Тезис об авторе-мусульманине ‘ахд-намэ 1789 г. также основан на том, что текст изобилует арабской, персидской лексикой, а также литературными оборотами, знакомство с которыми мог продемонстрировать лишь носитель исламской традиции, вероятно, человек очень начитанный, ибо в тексте используется ряд коранических оборотов. В то же время употребление подобной терминологии не было противоречивым с религиозной точки зрения.

С точки зрения культурного перевода в ‘ахд-намэ 1789 г. может быть интересна лексика, использованная для выражения подданства российской императрице Екатерине II и ее наследникам, а также сама номенклатура российских правителей. Например, в титулатуре императрицы Екатерины II используются как тюркские, так и персидские термины: اولوغ مرحمتلو فاديشاه عظم

42. Швенгельбек М. Присяга на верность: об изменении политической коммуникации в XIX веке / пер. И. Н. Мирославской // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3 (36). С. 1–8.

ایمپاراطریه — «великая милосердная царица (падша) великая императрица»⁴³; в русском: «великая государыня императрица». Падша в данном случае — почетный титул верховных правителей мусульман: султанов Османской империи (فدشاه الاسلام) и императоров/императриц, правивших Российской империей⁴⁴. Отметим также, что термином падша также императрица именуется на милевом столбе в Бахчисарае 1783 г., и это не единичный случай⁴⁵.

Наследники императрицы Екатерины II, в верности которым также должен был клясться бухарец, — Павел Петрович, Мария Федоровна, великие князья Александр Павлович и Константин Павлович — обозначены персидским термином فرزاند («наследник») и арабским حضرت («хазрат»). Термин хазрат, как правило, использовался для уважительного обращения к человеку с высоким духовным статусом или авторитетом со значением «господин». К наследникам также применяются персидские эпитеты, использование которых зафиксировано в отношении мусульманских правителей, например نورديدا («свет очей»). Наряду с персидскими и арабскими терминами в 'ахд-намэ фиксируются русские княгине (کنگینه («княгиня»), کنز («князь»). Присягнувший бухарец также клянется в верности تمام روسیه تحت («Всероссийскому престолу»).

Любопытно, что бухарец в присяге обязывается совершать в отношении императрицы и ее наследников религиозные по содержанию процедуры — و جهد قورمه اطاعت قلماققه («придерживаться поклонения и совершать усилие»).

Обязательным элементом клятвы является ее удостоверение перед священной книгой мусульман اوز دینومچا قرآن آلدونده — «по своей вере перед Кораном»; в русском тексте — «по своему закону при Аль Куране». Небольшая разница в формулировке отсылает нас к сложному вопросу о принципиальной возможности для мусульман присягать иноверному правителю. Этот аспект темы был рассмотрен тюркологом И. В. Зайцевым, который отмечал, что подданство мусульман по отношению к христианским властителям теоретически в исламе недопустимо и что позиция, указывающая на невозможность проживания мусульман среди христиан и совместного ведения дел с ними, была характерна для всех

43. ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 16–17.

44. Бобровников В. О. Правовой словарь арабоязычных памятников дагестанского 'адата XIV–XX вв. С. 291–315.

45. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Киев: Будивельник, 1983–1986. Т. 2. С. 264.

уголков исламского мира⁴⁶. Однако, несмотря на формальную невозможность такой присяги, для российских мусульман практика принятия подданства православному царю была обычным делом.

В ‘ахд-намэ обращает на себя внимание еще одна особенность: в тексте на тюрки ни разу не упомянуто имя Аллаха. Видимо, это следует объяснить особенностью присяги в исламе — невозможностью для мусульманина клясться вообще кем-либо, кроме Аллаха, его именами и атрибутами (в противном случае имеет место так называемый ширк — придание Аллаху сотоварищей). В Коране сказано: «Аллах не взыскивает с вас за легкомыслие в ваших клятвах, но Он взыскивает с вас за то, что вы связываете клятвы. Испушением этого — накормить десять бедняков средним из того, чем вы кормите свои семьи, или одеть их, или освободить раба. А кто не найдет, то пост трех дней. Это — испушение ваших клятв, которыми вы поклялись. Охраняйте же ваши клятвы!» (Коран 5:89)⁴⁷. Как отмечает И. В. Зайцев, под «связыванием клятвы» комментаторы понимают принесение намеренно двусмысленной клятвы⁴⁸. Видимо, поэтому в русском тексте присяги 1789 г. и соответствующего ей ‘ахд-намэ мы видим разночтение: «Я, ниже именованный, обещаю всемогущим Богом» — сказано в тексте, который составили российские чиновники; между тем как само имя Аллаха в ‘ахд-намэ отсутствует.

Вместе с тем русские записи текста клятвы не сводятся к одному раз и навсегда утвержденному формуляру. Как отмечает И. Зайцев, чаще всего для него использовался аят 91 из 16 суры «Пчёлы»⁴⁹. Однако в представленном тексте ‘ахд-намэ его нет, что говорит нам о том, что стандартизированный текст присяги для восточных окраин империи только рождался в это время.

Язык подданства на южном фронтире империи

В исламском праве есть разное понимание понятия ‘ахд и выразившихся этим термином отношений. Так, в сочинении «Барикат

46. Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 4.

47. Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.

48. Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков. С. 5.

49. Коран, 16:91 «Будьте верны завету с Аллахом, если вы его дали; не нарушайте клятв после того, как вы их скрепите, ибо вы признали Аллаха своим поручителем. Воистину, Аллах ведаёт о том, что вы содеёте» (пер. М.-Н. О. Османова).

ас-суйфу ал-джабалийа фи ба'д ал-газават аш-шимилийа» Мухаммада-Тахира ал-Карахи, который служил главным писарем имама Шамиля, есть уточнение значения этого понятия⁵⁰. Понятие 'ахд могло обозначать, во-первых, равноправный договор; во-вторых, договор сильного и слабого; в-третьих, связь в суфийском контексте: отношения учителя и ученика.

Представляется возможным сравнить язык присяги из Сибири с текстом присяги кумыкских владельцев (и других договоров о подданстве), происходящих с Северного Кавказа. Необходимо отметить, что имеющаяся в нашем распоряжении присяга написана на северокавказском языке тюрки. Как отмечает исследователь Г.М. Оразаев, именно этот язык был языком деловой письменности в северо-восточной части Северного Кавказа в конце XVI–XVIII в.⁵¹

У мусульман Кавказа коллективная присяга просуществовала до начала XIX в. История складывания подобных федеративных отношений уходит корнями в 1740–1760-е гг., о чем свидетельствуют сохранившиеся в российских архивах периодически возобновлявшиеся договоры между наследными правителями и военными предводителями ополчений горцев Дагестана с царями Картли и Кахети и военными комендантами Российской империи.

В работе В.О. Бобровникова отмечается, что территории, присоединенные к России в XVIII в. и позднее, на первых порах сохранили свои границы и местных правителей, если те были лояльны империи. Российская сторона не вмешивалась во внутренние дела горцев, оставляя управление ими в руках местной военной знати и сельских старшин. Федеративные договоры Российской империи с мусульманскими правителями Северного Кавказа XVIII — начала XIX в. признавали экстерриториальность права обеих сторон — как российского имперского, так местного обычного (адат) и исламского (шариат)⁵².

50. Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля (Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1941.

51. Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002. С. 12.

52. Бобровников В.О., Каяев И.А., Халиков Г.К. Бадерхан Ф. На путях к федеративным Георгиевским договорам 1783 и 1802 гг.: мусульманские общества и владения Дагестана в арабоязычной дипломатической переписке и соглашениях с Картли-Кахети и Российской империей XVIII в. (Из частных и государственных архивных собраний) // Pax Islamica. 2013. № 2. С. 176.

С последней четверти XVIII в. включение в империю новых территорий и иноверческих подданных здесь происходило в форме федеративных договоров между комендантами крепостей, представлявших главу империи, с одной стороны, и военными предводителями союзов мусульманских селений и мелких феодальных владений, с другой. Характерный пример такого договора — Георгиевский трактат, заключенный между Российской империей, Картли-Кахетинским царством и дагестанскими владениями и союзами селений в 1783 г. Иной пример — случай перехода в подданство в 1784 г., когда по предписанию правительства командующий Кавказской линией П. Потемкин вручил кумыкскому шамхалу вместе с грамотой о принятии в подданство соболиную шубу и саблю⁵³.

Как отмечает В. О. Бобровников, в правовом отношении такое подданство и связанные с ним присяги были гибридными: они опирались не только на российское и исламское право, но и на местный правовой обычай ('адат')⁵⁴. В 1802 г., после трансформации Картли-Кахетии из царства в губернию, Георгиевский договор был перезаключен только с дагестанскими горцами. В конце XVIII — первой четверти XIX в. временная присяга и коллективное подданство не раз использовались военными комендантами с целью приведения «мирных» горцев в российское подданство, однако в период Кавказских войн XIX в. они постепенно исчезают, уступая место индивидуальному подданству и единовременной присяге.

Выводы

Таким образом, вплоть до второй трети XVIII в. подданство мусульман на сибирском и кавказском фронтах империи могло иметь временный характер, оно периодически обновлялось через новые присяги или отменялось, не исключало присяги со второй и даже третьей, порой иноверческой, державой. Наиболее ранней его формой было приведение к шерти (от араб. *договор*) на верность «иноземцев». Сибирские иноземцы приносили присягу коллективно. Формой подтверждения шерти становится «жалованное слово» в воеводских наказах, где обозначались обязательства российской власти перед индигенным населением. С начала

53. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 148.

54. Бобровников В. О., Каяев И. А., Халиков Г. К. На путях к федеративным Георгиевским договорам 1783 и 1802 гг. С. 175–208.

XVIII в. в западной части Сибири шертование сходит на нет, уступая место присяге на верность, изучение механизма подобной трансформации требует дополнительного анализа.

Изученные случаи могут говорить о формировании домодерной модели подданства на фронтах империи, которая не была единой. Общие черты этой модели — трансформация от коллективного подданства к индивидуальному и постепенная стабилизация формуляра шертей и присяг на верность. При этом рубеж XVII–XVIII вв., то есть перехода от Московского царства к Российской империи (в 1721 г.), не представляется важным для стандартизации процедуры принятия подданства на восточных окраинах империи — гораздо более важной вехой является середина XVIII в., когда шерть была практически вытеснена из инструментария приведения в подданство российскому монарху, а сама присяга стала индивидуальной. Дальнейшего изучения требует вопрос о том, как это повлияло на практики оформления подданства, сложившиеся в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии в конце XVIII — начале XIX в.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов. Ф. 415. Оп. 2. Д. 15.

Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15.

Литература

Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006.

Бобровников В. О. Правовой словарь арабоязычных памятников дагестанского ‘ада-та XIV–XX вв. (некоторые итоги изучения исламских дискурсов) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 291–315.

Бобровников В. О., Каяев И. А., Халиков Г. К. На путях к федеративным Георгиевским договорам 1783 и 1802 гг.: мусульманские общества и владения Дагестана в арабоязычной дипломатической переписке и соглашениях с Картли-Кахети и Российской империей XVIII в. (Из частных и государственных архивных собраний) // Pax Islamica. 2013. № 2. С. 175–208.

Беляков А. В. Источники жалованного слова народам Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 22(1). С. 33–43.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998.

Гессен В. М. Подданство. Его установление и прекращение. Т. 1. СПб. 1909. С. 3–5.

Ерофеева И. В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы: ОФ «Фонд Мухтара Ауэзова», 2013.

- Зайцев И. В.* Исламская лексика в русских переводах XV–XVI вв. (по материалам посольских книг) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021. № 1. С. 583–601.
- Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017.
- Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А. Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014.
- История Дагестана. Т. I. / Сост. В. Г. Гаджиев, гл. ред. Г. Д. Даниялов. М.: Наука, 1967.
- Конев А. Ю., Слугина В. А.* «Сказать государю жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI–XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 37–48.
- Конев А. Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.
- Королева М. В.* Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 73–82.
- Круглякова В. Б.* Институт присяги: прошлое и настоящее // Административное право и процесс. 2008. № 3. С. 15–18.
- Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII вв. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963.
- Мамедов И.* Расцвет и крах Османской империи. М.: АСТ, 2016.
- Марасинова Е. Н.* К истории политического языка в России XVIII в. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 3–16.
- Оразаев Г. М.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала: Издательство ИАЭ ДНЦ РАН, 2002.
- Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Киев: Будивельник, 1983–1986. Т. 2.
- Памятники Сибирской истории XVIII в. / под ред. А. И. Тимофеева. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: типография МВД, 1882.
- Почкаев Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Почкаев Р. Ю., Тарасов Н. В.* Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 595–608.
- Русакова Н. Г.* Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
- Слугина В. А., Конев А. Ю.* «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра. (Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского) / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. С. 183–193.
- Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017.

Трепавлов В. В. Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России XVI–XX вв. // Россия в XX в. Проблемы национальных отношений. Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. А. Михайлов. М., 1999. С. 116–117.

Швенгельбек М. Присяга на верность: об изменении политической коммуникации в XIX веке / пер. И. Н. Мирославской // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3(36). С. 1–8.

Archival materials

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 415. Op. 2. D. 15.

Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archive in Tobolsk].

F. 341. Op. 1. D. 15.

Literature

Baranov, Kh. K. (2006) *Bol'shoi arabsko-russkii slovar'* [The large Russian-Arabic Dictionary]. Moscow: Zhivoi Iazyk Publ.

Belyakov, A. V. (2023) "Istochniki zhalovannogo slova narodam Sibiri" [Origins of a Granted Word to the Peoples of Siberia], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologii* 22(1): 33–43.

Bobrovnikov, V. O. (2020) "Pravovoi slovar' araboyazychnykh pamiatnikov dagestanskogo 'adata XIV–XX vv. (nekotorye itogi izucheniia islamskikh diskursov)" [Legal vocabulary of arabic-speaking 'adat monuments in 14th–20th century Dagestan (some results of the study of islamic discourses)], *Istorii, arkhologii i etnografiia Kavkaza* 16(2): 291–315.

Bobrovnikov, V. O., Kaiaev, I. A., Khalikov, G. K. (2013) "Na putiakh k federativnym Georgievskim dogovoram 1783 i 1802 gg.: musul'manskii obshchestva i vladeniia Dagestana v araboiazыchnoi diplomaticheskoi perepiske i soglasheniiaakh s Kartli-Kakheti i Rossiiskoi imperiei XVIII v. (Iz chastnykh i gosudarstvennykh arkhivnykh sobraniia)" [Towards federative treaties of Georgievsk in 1783 and 1802: Muslim leagues and principedoms of Dagestan in Arabic diplomatic correspondence and agreements with the kingdom of Kartli-Kakheti and Imperial Russia in the 18th century. From private and state archival collections], *Pax Islamica*. 2: 175–208.

Gadzhiev, V. G. (1967) *Istorii Dagestana* [History of Dagestan] Vol. 1. Moscow: Nauka.

Gessen, V. M. (1909) *Poddanstvo. Ego ustanovlenie i prekrashchenie* [The citizenship, its establishment and termination]. Vol. 1. Saint-Petersburg: Pravda Publ.

Artizov, A. N. (ed.) (2014) *Iz istorii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii: k 230-letiiu zakliucheniia Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov* [From the history of Russian-Georgian relations: on the 230th anniversary of the conclusion of the Treaty of Georgievsk. Collection of documents]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ.

Kashtanov, S. M. (1997) "Gosudar' I poddannye na Rusi v XIV–XVI vv." [The sovereign and subjects in Russia in the XIV–XVI centuries], in *In memoriam: Sbornik pamiati Ia. S. Lur'e*, pp. 217–230. Saint-Petersburg: Athenium-Feniks Publ.

Khodarkovsky, M. (2002) *Russia's Steppe Frontier. The Making of the Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press.

Konev, A. Yu., Slugina, V. A. (2022) "Skazat' gosudarevo zhalovanie...: praktiki obrashcheniia monarkha k naseleniiu Sibiri v kontse XVI–XVII veke" [To Say

- the Sovereign's Awarding...": Practices of the Monarch's Appeal to the Siberian Population at the End of the 16th–17th Centuries], *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 21(1): 37–48.
- Konev, A. Iu. (2005) "Shertoprivodnye zapisi i prisiagi sibirskikh inozemtsev kontsa XVI–XVIII vv." [Shart records and oaths of Siberian foreigners of the late XVI–XVIII centuries], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 6: 172–177.
- Koroleva, M. V. (2020) "Protседura gosudarstvennoi prisiagi v Rossii XVII v." [The procedure of state oath in Russia of the 17th century], *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 4: 73–82.
- Kruglyakova, V. B. (2008) "Institut prisiagi proshloe i nastoiashchee" [The institution of the oath: past and present], *Administrativnoe pravo i protsess* 3: 15–18.
- Kusheva, E. N. (1963) *Narody Severnogo Kavkaza i ikh sviazi s Rossiei. Vtoraia polovina XVI – 30-e gody XVII vv.* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia. The second half of the XVI – 30s of the XVII century]. Moscow: Akademia Nauk SSSR Publ.
- Mamedov, I. (2016) *Rastsvet i krakh Osmanskoi imperii* [The Rise and collapse of the Ottoman Empire]. Moscow: AST Publ.
- Marasinova, E. N. (2005) "K istorii politicheskogo iazyka v Rossii XVIII v." [To the history of political language in Russia in the XVIII century], *Otechestvennaia istoriia* 5: 3–16.
- Orazaev, G. M. (2002) *Pamiatniki tiurkoiazыchnoi delovoi perepiski v Dagestane XVIII v.* [Monuments of Turkic-speaking business correspondence in Dagestan XVIII century]. Makhachkala: IAE DNTs RAN Publ.
- Pochekaev, R. Yu., Tarasov, N. V. (2023) "Prisiaga na poddanstvo v otechestvennoi istorii i prisiaga na grazhdanstvo v sovremennoi Rossii: traditsii i novatsii" [The oath at the adoption of the Russian allegiance/citizenship: traditions and novelties], *RUDN Journal of Law*. 27 (3): 595–608.
- Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR (1983)* [Monuments of urban planning and architecture of the Ukrainian SSR] Vol. 2. Kiev: Budivel'nik.
- Timofeev, A. I. (ed.) (1882) *Pamiatniki Sibirskoi istorii XVIII veka* [Monuments of the history of Siberia]. Vol. 1. Saint-Petersburg: MVD Publ.
- Pollock, S. (2006) *Empire by Invitation? Russian Empire-building in the Caucasus in the Reign of Catherine II*. Cambridge: Harvard University Press.
- Rusakova, N. G. (2008) *Prisiaga kak obshchepravovoi fenomen: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Oath as a general legal phenomenon: Abstract of cand. sci. thesis (Law)]. Nizhniy Novgorod.
- Slugina, V. A., Konev, A. Iu. (2020) "Zhalovannoe slovo v nakazakh sibirskim vоеvodam: K voprosu o proiskhozhdenii i evoliutsii formulira" [The Granted Word in the instructions to the Siberian voivodes: On the question of the origin and evolution of the formula], in A. P. Derevianko, A. Kh. Elert (eds) *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniia i arkheografii*, pp. 183–193. RAN, Siberian branch Publ. Novosibirsk.
- Serruys, H. (1958) "A Note on Arrows and Oaths among Mongols", *Journal of the American Oriental Society* 78: 279–294.
- Shvengelbek, M. (2003) "Prisiaga na vernost': ob izmenenii politicheskoi kommunikatsii v XIX veke" [The oath of allegiance: on changing of political communication in the 19th century], *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* 3: 1–8.
- Trepavlov, V. V. (2017) *"Belyi Tsar". Obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The "White Tsar": The image of the monarch and

- the idea of citizenship among peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. Saint-Petersburg, Oleg Abyshko Publ.
- Trepavlov, V. V. (1999) “Formirovanie sistemy otnoshenii mezhdru Tsentrom i natsional’nymi okrainami v Rossii XVI–XX vv.” [Formation of a system of relations between the Center and national suburbs in Russia in the XVI–XX centuries]//in A. N. Sakharov, V. A. Mikhailov (eds) *Rossiia v XX v. Problemy natsional’nykh otnoshenii*, pp. 116–117. Moscow.
- Vershinin, E. V. (1998) *Voevodskoe upravlenie v Sibiri* [The Voivodes administration in Siberia]. Ekaterinburg: Munitsip. Uchebno-metodicheskiy tsentr Razvivaiushchee obuchenie Publ.
- Zaitsev, I. V. (2008) “Problema udostovereniia kliatvennykh obiazatel’stv musul’manina pered khristianskoi vlast’iu v Rossii XVI–XIX vekov” [The problem of certifying the sworn obligations of a Muslim to the Christian authorities in Russia of the XVI–XIX centuries], *Rossiiskaia istoriia* 4: 3–9.
- Zaitsev, I. V. (2021) “Islamskaia leksika v russkikh perevodakh XV–XVI vv. (po materialam posol’skikh knig)” [The Islamic terminology in Russian translations (15th-16th centuries)], *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy* 1: 583–601.
- Zuev, A. S. (2005) *Prisoedinenie krainego Severo-Vostoka Sibiri k Rossii: voenno-politicheskii aspekt: vtor. pol. XVII–XVIII v.* [The integration of the Far North-East of Siberia to Russia: a military and political aspect. The second half of the XVII–XVIII centuries]. PhD thesis. Tomsk: Tomsk state university Publ.
- Zuev, A. S., Ignatkin, P. S., Slugina, V. A. (2017) *Pod sen’ dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Under the wing of the two-headed Eagle: incorporation of the peoples of Siberia to the Russian state at the end of the XVI – beginning of the XVIII century]. Novosibirsk: NSU Publ.